

Н. Ю. БУБНОВ

Ответ протопопа Аввакума духовному сыну (1676 г.) и его иллюстрированный протограф

29 января 1676 г. в Москве произошло событие, взволновавшее все Русское государство, — скоропостижно умер царь Алексей Михайлович. Эта неожиданная смерть еще не старого московского «самодержца», прозванного в народе «тишайшим», вызвала растерянность и разброд не только среди ближайшего придворного окружения царя из числа бояр и рысшего духовенства, но и в кругу оппозиционного старообрядчества, руководители которого во главе с протопопом Аввакумом вот уже девятый год томились в земляных тюрьмах заполярного Пустозерского острога.

Отношение старообрядцев к царю Алексею Михайловичу при его жизни долгое время не было четко определено и вызывало в их среде многочисленные споры. Согласованное мнение пустозерских узников по этому вопросу нашло отражение в письме дьякона Федора Иванова к Иоанну Аввакумовичу на Мезень, посланное туда 1 сентября 1669 г.¹ Основываясь на 13-й главе Апокалипсиса, дьякон Федор пишет, что происходящее ныне на Руси отступление от веры «происходит будет цари нечестивыми: то суть рози антихристовы — ими силно дело все отступническое, без тех же не мощно. Два рога от земли исходяща виде Богослов: един от тех есть, второй же по нем будет, пособитель же злу».² Таким образом, согласно толкованию Федора, «рогами антихриста» следует считать «нечестивых царей», первый из которых «уже есть», — это царь Алексей Михайлович, а второй, «что по нем будет», окажется «пособителем злу» и окончательно погубит на Руси истинную веру.

Неожиданная смерть царя вновь остро поставила перед руководителями старообрядчества вопрос о толковании апокалиптических «антихристовых рогов» применительно к конкретной исторической ситуации. О реакции Аввакума и его окружения на эту ситуацию мы можем судить на основе недавно найденного сочинения, написанного летом 1676 г. и названного автором «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному». Это сочинение является аввакумовской обработкой конфиденциальной информации, полученной пустозерцами от неизвестного московского доброжелателя, стоявшего близко к придворным кругам. Сочинение состоит из собственно «Возвешения» в литературной обработке Аввакума и Ответа протопопа на это «Возвешение», целиком им написанного.³ В «Возвешении» московский информатор, «духовный сын» Аввакума, сообщает ему в Пустозерск тайные обстоятельства скоропостижной смерти царя Алексея Михайловича и информацию о воцарении нового самодержца Федора

¹ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб. 1912, с. 322—325.

² Н. И. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, с. 66.

³ Н. Ю. Бубнов, Н. С. Демкова. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.). — ТОДРЛ, т. XXXVI, Л., 1981, с. 127—150.

Алексеевича, давая о новом царе в целом положительный отзыв: «Да после ево (царя Алексея Михайловича, — *Н. Б.*) державы дал нам бог царя, сына ево Феодора, млада суца верстою, да смыслом стара... Чаять, не посяхшик бы он был на веру-ту. Авось молитв ради ваших, батюшко, и побаратель по истинне будет». ⁴ Новый царь, по свидетельству информатора, уже сделал ряд распоряжений, свидетельствующих о его милостивом отношении к «старой вере» и ее защитникам: «А в Соловецкой монастырь послали, поставя архимарита и келаря, смиренным, сказывают, их правом, нуждою посланы. А приказывал изо уст царь им: „Так, де, делайте все, каков чин там чюдотворцы положили, и не прелагайте предел их“». ⁵ Подумывал новый царь и о том, чтобы перевезти в Москву и с честью похоронить по старому церковному обряду «телеса» заморенных голодом в Боровске боярыни Феодоры Морозовой и ее «соузниц», явившихся царю «в сонном видении». Однако это намерение царя было сурово осуждено патриархом Иоакимом. ⁶ Заканчивая свое послание, духовный сын Аввакума просит на свое Возвешение «от дольних» прислать ему и его единомышленникам в Москву ответ о том, что его духовному отцу будет «показано и возвешенно от горних. А я, — добавляет автор Возвешения, — с любовью послушаю и иным возвещу божия благодеяния». ⁷

Ответ Аввакума на Возвешение сохранился лишь в одной рукописи второй половины XVII в. (БАН, 45.6.7, далее Ак), где он идет непосредственно вслед за текстом Возвешения без всякого заголовка. ⁸ Тесная связь Ответа с Возвешением как по стилю, так и по содержанию свидетельствует о том, что мы имеем дело с единым сочинением, построенным автором в форме диалога — «беседы» духовного отца с духовным сыном: «Батюшко-государь, сядем-ко мы с тобою побеседуем беседою духовною, аки лицем к лицу. Я к тебе возвещу, а ты от меня не скрой». ⁹ Однако если Отелет, как мы уже говорили, является бесспорно аввакумовским сочинением, то в основу текста собственно Возвешения легло, несомненно, подлинное послание к протопопу неизвестного нам москвича. Посылая свой Ответ на Русь, Аввакум считал возможным и необходимым сопроводить свое толкование новейших событий самим описанием этих событий, для чего литературно обработал полученную им из Москвы информацию, придав ей подлинно «аввакумовское звучание». ¹⁰

Ответ Аввакума начинается словами: «Бог за труды твоя воздаст ти, чадо, яко потрудилися еси описати кончину губителя царя Алексея и возвестил ми еси от дольних. Гряди, да покажу ти от горних, еже виде и слыша

⁴ Там же, с. 143.

⁵ Там же, с. 147.

⁶ Там же, с. 145—146.

⁷ Там же, с. 147.

⁸ Описание рукописи Ак см.: Н. Ю. Бубнов, Н. С. Демкова. Возвешение... с. 129—130.

⁹ Там же, с. 142.

¹⁰ О том, что перед нами двусудное сочинение, принадлежащее перу протопопа Аввакума, свидетельствуют и текстологические данные. Помимо списка Ак мы предполагаем еще одним поздним (конца XVIII в.) списком Возвешения в сборнике ИРЛ (Северодвинское собр., № 65), где сочинение озаглавлено «Вопрошение сына духовного ко отцу духовному» и где Ответ Аввакума отсутствует. Переписчика в данном случае интересовали, видимо, лишь подробности московских событий 1676 г., а не аввакумовское (к тому времени уже устаревшее) толкование апокалиптического предсказания применительно к этим событиям. Третий список сочинения, обнаруженный Н. Н. Покровским в делах Устюжской воеводской избы, является лишь небольшим отрывком из Возвешения (8 л.), вырванным из какого-то старообрядческого сборника. Владелец этих листков (живший в XVIII в.) за хранение литературы, содержащей хулу на царствующий дом, 5 лет провел в следственной тюрьме. (См.: Н. Н. Покровский. Устюжский список «Возвешения от сына духовного ко отцу духовному». — ТОДРЛ, т. XXXVI. М., 1981, с. 151—153). Следовательно, лишь сборник Ак сохранил для нас текст «Возвешения» в наиболее полной и максимально приближенной к авторской редакции. Есть все основания предполагать, что список Возвешения в Ак (как и весь сборник в целом) является пустозерской копией с авторского оригинала (автографа Аввакума).

Иоан Богослов, заточен был во острове Патме от царя Доментияна, яко же и аз от Алексея царя, умершаго злодея». ¹¹ Для нашей темы важно отметить в этой цитате сравнение автором царя Алексея Михайловича с римским царем Доментияном (имп. Домициан, 51—96 гг.), а самого Аввакума с Иоанном Богословом. Дальнейшее изложение Аввакум посвящает критике никониан и в особенности «нынешних» церковных властей, виновных, по его мнению, в происшедшем на Руси после церковной реформы всеобщем смятении. Здесь названы прежде всего патриарх Никон — «прелататай», митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион, которые «горазды были сему рукоделию», и, наконец, упомянуты греческие патриархи, на решения которых по делам веры на соборе 1667 г. ссылались русские церковные иерархи: «Так, де, нам государи-патриархи указали, на них, де, бог положил то дело». ¹² «Да и все однаки власти-те, кроме избранных, — подытоживает автор свою критику, — Да лихо, су, избранным-тем и тесно бедным бывает от мокроусов-тех. Повертится, что проплица, да и он туды же склонится, бедной: „Воля, де, божия, не один, де, я по сей колеснице еду, где же де детца“». ¹³ Затем следует похвала собственной стойкости в вере в форме противопоставления себя — царю, жертвы — палачу, которые «друг друга мучат»: «Вот меня цар-ет и в духовники Алексей звал, да как о Христе Иусе не захотел, да не захотел же, да живу себе в яме з братиею о Христе Иусе. Вертеп сей лутче мне Синайския горы. О святом дусе, аминь». И далее, еще более уточняя мотивировку своего поведения: «Есть-то, су, и мне хотелось пирогов-тех мяхких, да Христа жаль стало потерять. „Петь, — реку, — будет сколько добра, — не ладно так будет“. Да таки стал отплеваться от них, да бог пособил и отплевался о Христе Иусе, госпode нашем, ему же слава и ныне и присно и во веки веком. Аминь». ¹⁴

При чтении приведенных здесь текстов аввакумовского Ответа невольно вспоминается известный рисунок Аввакума, которым он проиллюстрировал Пустозерский сборник И. Н. Заволоко в целом и находящееся в нем «Поучение аввы Дорофея о любви» в частности. ¹⁵ На рисунке изображен «круг церковный», в центре которого помещен «богъ» (изображенный символически этим словом), а по периферии круга — святые. За пределами этого «церковного» круга автор поместил «врагов церкви», снабдив их индивидуализированные изображения соответствующими «ругательными» надписями. Здесь оказались изображенными греческие патриархи — Паисий («сребролюбец, предал Христа»), Макарий («льстец, бабоблуд») и русские архиереи — Никон («окаянный Никон, бабоблуд, удаливыйся от бога»), митрополит Павел и архиепископ Иларион. Надпись под рисунком гласит: «Зри круга начертание, о нем же святой авва рече». Нам представляется, что Аввакум при написании своего Ответа на Возвешение держал перед собою «в уме» этот рисунок с «начертанием круга», мысленно помещая себя и своих единомышленников внутрь этого круга, вместе с богом и его святыми. При этом покойный царь Алексей Михайлович оказывался вне круга, в компании с «удалившимся от бога» патриархом Никоном и лстивыми и продажными греческими и русскими архиереями.

Вторая часть Ответа Аввакума на Возвешение посвящена целиком толкованию 13-й главы Апокалипсиса, ¹⁶ однако это толкование представ-

¹¹ Н. Ю. Бубнов, Н. С. Демкова. Возвешение. . . , с. 147.

¹² Там же, с. 148.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975, л. 1—2 об. (рисунок); с. 151—152 (описание рисунка).

¹⁶ Эта часть Ответа написана в сборнике Ак почерком, отличным от основного, и после слова «Аминь». По-видимому, новый писец с целью снять возможные сомнения в целостности сочинения соотнес свой текст с началом Ответа следующей кивоварной припиской: «Начало сей повести: Бог заплатит за труды».

лено здесь в несколько ином осмыслении, чем в упоминавшемся нами выше Послании дьякона Федора к Иоанну Аввакумовичу, созданном в 1669 г. Если дьякон Федор «двумя рогами антихриста» толковал царя Алексея Михайловича и будущего преемника его власти — царя, «что по нем будет», то в толковании Аввакума 1676 г. персонализация антихристовых рогов кардинально изменена: «два же рога у зверя — две власти знаменует: один победитель, а другой — пособитель; Никита по Алфавиту, или Никон, а другой пособитель — Алексей. . .».¹⁷ Таким толкованием «антихристовых рогов» Аввакум в первую очередь стремится снять с нового молодого царя — Федора Алексеевича — клеймо второго «антихристового рога», каковым он, по прежним представлениям пустозерских узников, должен был предстать перед миром сразу же после интронизации. Между тем надежды на перемену правительственной политики при новом царе, ясно отразившиеся в Возвещении и в Ответе Аввакума, требовали от руководителей старообрядческого движения более лояльного отношения к новому московскому царю и его окружению. С другой стороны, новое аввакумовское толкование «антихристовых рогов» по-иному ставило вопрос об ответственности светской и духовной властей за подрыв в стране «правой веры». По мысли автора Ответа, главы духовной и светской властей, символически представленные в Апокалипсисе антихристовыми рогами, не в равной степени ответственны за подрыв основ христовой церкви. Если бывшему патриарху Никону отводится здесь главная роль «победителя», то покойный царь Алексей Михайлович выступает лишь в подчиненной роли «пособителя» злу: «Царь Алексей десять лет добро жил: в посте, и молитвах, и милостив, а Никон егда на патряршество вскрался, показуя человеком леть, лукаву добродетель же. Егда же слюбление сотвориша, яко Пилат и Ирод, тогда и Христа распяша: Никон побеждать учал, а Алексей пособлять испотиха. Тако бысть исперва, аз самовидец сему, ей, аминь».¹⁸

Кончается Ответ Аввакума припиской, находящейся после слова «Аминь»: «Зри умом зверя летописнаго: крестящеися тремя персты поклоняются ему, и беси печатают перышками. Сей зверь двоерогой — бес, огнем дышет на люди».¹⁹ Необычное место расположения этой приписки в конце сочинения и после слова «Аминь», а также ее осязаемое «живописное» восприятие дали нам повод предположить, что цитированный текст есть не что иное, как подпись Аввакума под его собственноручным рисунком, имевшимся, по-видимому, в протографе Ответа. Писец сборника Ак, переписывая аввакумовский текст сочинения с автографа, возможно, не сумел или почему-либо не пожелал скопировать аввакумовский рисунок, однако скопировал аввакумовскую подпись под ним, поместив ее в конце сочинения, после слова «Аминь».²⁰

Таким образом, мы имеем довольно, на наш взгляд, убедительное, хотя и косвенное, свидетельство о существовании, наряду с уже известным, второго рисунка протопопа Аввакума. Этот рисунок, иллюстрирующий, подобно первому, аввакумовский текстовой автограф, должен был быть, по всей видимости, выполнен в той же точечно-штриховой живописной манере, что и первый, сохранивший нам портреты-карикатуры церковных иерархов, судивших старообрядцев на соборе 1667 г. В связи с этим важно,

¹⁷ Н. Ю. Б у б н о в, Н. С. Д е м к о в а. Возвещение. . ., с. 149—150.

¹⁸ Там же, с. 150.

¹⁹ Там же. — Этот же текст в несколько иной орфографии и без последней фразы повторен на 14-м (пустом) листе сборника Ак другим (скорописным) почерком: «Зри умом зверя летописнаго, крестящися трема персты».

²⁰ В Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко подпись под имеющимся там рисунком Аввакума дает нам некоторую аналогию с изучаемой подписью: «Зри круга начертание, о нем же святыи авва рече». В том же сборнике, в тексте Поучения аввы Дорофея, есть выражение: «Положите убо ум ваш во глаголемое. . .». См.: Пустозерский сборник, л. 9 и с. 162—163.

отметить, что как названные тексты, так и рисунки к ним были созданы с интервалом времени всего менее года: рисунок и текст «Поучения аввы Дорофея о любви» с обращением Аввакума к читателям датируется исследователями осенью 1675 г. (до октября—ноября),²¹ в то время как

«Зри умом зверя летописнаго. Крестьянсыя тремя персты поклоняются ему и беси печатают перышками. Сей зверь, двоерогой бес, огнем дышет на люди» (БАН, собр. Лукьянова, № 164, л. 5).

протограф изучаемого нами текста и подписи под рисунком создан летом 1676 г.²²

Итак, располагая подписью под рисунком Аввакума, мы не имеем на руках самого рисунка. Однако как подпись под ним, так и сам текст сочи-

²¹ Там же.

²² Интересно отметить и еще один текст в Ответе Аввакума, содержащий намек на какой-то несохранившийся рисунок, возможно, изображающий царя Алексея

нения, которое рисунок должен был иллюстрировать, дают нам достаточный материал для суждения о сюжете этого несохранившегося изображения. К тому же ключ к поиску интересующего нас сюжета дает сама 13-я глава Апокалипсиса, текст которой лежит в основе аввакумовского Ответа. Обращаясь к богатой рукописной традиции русских лицевых апокалипсисов, ведущей начало с XVI в., с которой, очевидно, был знаком опальный протопоп, мы обнаруживаем два наиболее типичных живописных апокалиптических сюжета, близких к нашему описанию.²³ Большое количество вариаций к этому сюжету мы встречаем в рукописях Лицевого апокалипсиса и на отдельных так называемых живописных настенных листах.

Наиболее близкий к предполагаемому аввакумовскому протографу рисунок хранится в собрании В. И. Лукьянова Библиотеки АН. В центре композиции изображение «летописного» или «двоерогого зверя», который «дышит огнем» на второго зверя, голову которого венчает папская тиара. Внизу изображены две группы людей. Стоящий впереди человек из левой группы преклоняет колено перед бесом, который гусиным пером накладывает на его «чело» антихристову печать в виде «антихристового числа» — 666. В верхней части композиции изображен Иоанн Богослов в нимбе и праведники, оплакивающие участь предавшихся бесу людей. Отметим, что описываемый рисунок довольно ортодоксален и лишь в общей форме может рассматриваться как сюжет, использованный Аввакумом для создания собственного рисунка. Последний мог иметь — и, конечно, имел — существенные отличия от традиционных форм. Это прежде всего персонификация изображенных на нем лиц в соответствии с текстом аввакумовского сочинения, которое этот рисунок иллюстрировал.

Сведения об Аввакуме как иллюстраторе собственных сочинений были бы не полны без учета имеющихся в литературе данных о других его сочинениях, сопровождавшихся рисунками. Так, в известном «Сказании о расприах, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем» сообщается о переписке последнего со своим любимцем игуменом Сергием. В рисунках, иллюстрирующих эти письма, протопоп «себя же самого и Сергия вообразил... в лицах».²⁴ В последние годы своего пустозерского заключения опальный протопоп «на берестяных харатях начертовал царские персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписаниями и толкованием и блядословными укоризнами весьма запретительными...». Публикатор синодального «Объяснения» (1724—1726 гг.) о протопопе Аввакуме, содержащего вышеприведенный текст, В. И. Малышев справедливо связал публицистическую деятельность Аввакума с открытым выступлением московских старообрядцев во время крещенского водосвятия 1681 г., которые «по наущению» Аввакума разбрасывали с колокольни Ивана Великого «на смущение народа воровские письма» и свитки «богохульные и царскому достоинству бесчестные» и учинили разгром в соборной церкви.²⁵ Таким образом, в своей борьбе с никонианами талантливый писатель и публицист Аввакум «использовал

Михайловича в виде апокалиптического беса: «Пипается в книгах: рожка кругленьки в космах, яко у борашка — добродетель знаменует, лестя, житием является добрым, бодый церковь рогама и уставы ее стирая» (см.: Н. Ю. Бубнов. Н. С. Демков в А. Возвешение... с. 150). Быть может, и этот рисунок был выполнен в точечно-штриховой манере, присущей творчеству Аввакума. Кстати, изображение барашка как символа чистоты и добродетели — типичный сюжет русского Лицевого апокалипсиса.

²³ См.: Ф. Буслаяев. Свод изображений из лицевых апокалипсисов. По русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. М., 1884, с. 504, № 38; с. 574, № 36. См. также: Апокалипсис лицевой. М., 1909, рис. 37 и 38.

²⁴ Материалы для истории раскола, т. 8. М., 1887, с. 238—239; См. также: В. И. Малышев. Рисунки протопопа Аввакума. — Русская литература, 1965, № 2, с. 154—155.

²⁵ В. И. Малышев. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ. т. XXI. М.—Л., 1965, с. 334—345.

и свои задатки художника, прибегал к помощи изобразительных средств». Несмотря на строжайший запрет властей давать Аввакуму бумагу и чернила последний успешно использовал для своих посланий бересту, украшая написанные им «грамотки» сатирическими рисунками. Именно это, по всей видимости, ускорило решение царя о предании протопопа и его союзников скорейшей казни за «великие на царский дом хулы».

В свете изложенного Аввакум выступает перед нами не только как идеолог старообрядчества, решительно и единовластно менявший сложившиеся идеологические установки под влиянием конкретных исторических событий, но и как иллюстратор собственных сочинений, сумевший свой художнический дар, как и все в себе, поставить на службу делу, которому был предан.